

Памяти замечательного человека

Дата 15 мая знаменательна для многих участников ракетно-космической деятельности. Важнейшими событиями, происходившими в этот день, явились первый успешный пуск знаменитой Р-7 в 1957 году и не менее значительный полёт в 1988 году мощнейшей ракеты-носителя «Энергия». Но есть у этой даты и печальная сторона – 15 мая 1998 года не стало Юрия Александровича Мозжорина – одного из пионеров отечественной космонавтики.

Основная часть творческой жизни Ю.А. Мозжорина прошла в нашем городе – ведь до прихода в НИИ-88 он служил в НИИ-4 МО и проживал в одном из его большевских военных городков. Научград Королёв хранит память о своём Почётном гражданине – пересечение улиц Пионерской, Терешковой и Богомолова в 2006 году названо Площадью Мозжорина. На этой площади 13 мая 2008 года, несмотря на непогоду, для открытия памятника Ю.А. Мозжорину работы народного художника России А.И. Рукавишников собрались сотни сотрудников ЦНИИмаш, аж четыре руководителя отрасли прошлого и настоящего, отечественные космонавты и астронавты NASA и другие почётные гости, а также сын и три дочери Ю.А. Мозжорина.

В 2000 году институтом была издана книга «Так это было...», включившая в себя как мемуары Ю.А. Мозжорина, так и воспоминания современников о работе с ним. В 2014 году книга была переиздана с некоторыми уточнениями и дополнениями, в том числе дополнена вторым томом, содержащим значительное число архивных документов, ранее имевших высокие грифы секретности. Эта книга, к сожалению, мало доступна массовому читателю, что и побуждает нас опубликовать пусть даже малую часть из раздела воспоминаний Юрия Александровича, названного им «Спор века» (во многих повествованиях об истории отечественной боевой ракетной техники эти события названы «малой гражданской войной ракетчиков»).

Знаменательно также, что самобытность и широко известная независимость позиций Ю.А. Мозжорина подчёркиваются и во многих мемуарах его современников. Так, например, воспоминания академика Б.Е. Чертока, посвящённые и «Спору века», и событиям, связанным с программой освоения Луны (Н1 – Л3), выражают неподдельное восхищение автора Ю.А. Мозжориним. Воспоминания «от старейшины РКТ» имеют особую ценность – Борис Евсеевич знал Юрия Александровича, как он говорил, «с капитанских погон» – времён упомянутых работ советских учёных в поверженной Германии.

Приведённые ниже материалы несколько сокращены до размеров, удобных для газетной публикации. Представляется, что сокращения некоторых деталей не помешают читателю ощутить «сам стержень» приведённых текстов воспоминаний замечательных авторов.

Б.Д. БЛОХИН,
ветеран НИИ-88/ЦНИИмаш

Отрывки из 1-го тома книги «Так это было...»

Б.Е. Черток: «Юрий Мозжорин успешно противостоял двум министрам»

«...Когда по долгу службы мне доводилось (и достаточно часто) бывать в ЦНИИмаш, я с удовольствием наблюдал за его директором, манерой его общения с подчинёнными: никто перед Мозжориним не дрожал, но все его уважали. Пользовался Юрий Александрович исключительным авторитетом, и каждый знал, что может с ним посоветоваться, просто похорошему поговорить. Все указания директора не требовали никакого стука кулаком по столу. Достаточно было Мозжорину высказать свою точку зрения, как она немедленно выполнялась его сотрудниками.

Общие «космические» заботы и взаимные симпатии сближали нас с Юрием Александровичем, и он часто делился конфиденциальной информацией.

Без малого тридцать лет Ю.А. Мозжорин был директором НИИ-88/ЦНИИ машиностроения. Министр общего машиностроения СССР (в 1983–1988 гг.) О.Д. Бакланов в своих воспоминаниях так оценивает поручение Юрию Александровичу руководства крупнейшим научным учреждением оборонной промышленности: «...был сделан необычайно удачный выбор с назначением в 1961 году директором НИИ-88 (ЦНИИмаш) – головного института отрасли – Ю.А. Мозжорина, опытного специалиста, учёного и организатора... Заслуги Мозжорина в становлении института, полностью отвечающего высочайшим требованиям к головному в такой ответственной отрасли, как ракетно-космическая, с позиций сегодняшнего дня трудно пе-

ботку ракет, – другая точка зрения. В истории нашей ракетной техники хорошо известен период, когда эти точки зрения радикально расходились. Он получил название (шутливое или ироничное) «малой гражданской войны». И в те времена, как это неудивительно, Мозжорину приходилось спорить и противостоять не только позиции министра обороны, но и своего министра по гражданской службе. Один генерал противостоял сразу двум министрам (один из которых, между прочим, был Маршалом Советского Союза!). Очень многие

на острие ножа», по его собственному образному выражению, в качестве директора головного института отрасли.

[...] Бросая взгляд на далёкое прошлое, можно уверенно констатировать, что Мозжорин вёл себя героически. Лично мне импонировало то, как переживал Юрий Александрович проблему «быть или не быть» системе Н1 – Л3. Большой носитель Н1 предназначался для лунной экспедиции. И когда встал вопрос, продолжать ли работу над Н1 или закрывать всю тему, а было это в 1974 году, то Мозжорин ока-

– Пора сказать Политбюро правду! – так начал Устинов, открывая совещание, каждый из участников которого должен был нести ответственность перед историей за возможные последствия принимаемого решения.

[...] Мозжорин рассказывал много лет спустя:

– Все присутствовавшие выступили за прекращение работ и закрытие темы. У Келдыша в запасе не оказалось серьёзных научных программ, которые оправдали бы продолжение затрат на столь мощный носитель...

Вслед за Келдышем все, кроме Мозжорина, выступили за прекращение работ над Н1, даже Деметьев и Афанасьев. Эти два министра должны были испугаться перспективы прекращения работ, в которых заняты десятки тысяч людей. Им, министрам, предстоит найти для них работу.

[...] Выступая за продолжение отработки ракеты-носителя, Юрий Александрович пытался доказать необходимость пуска Н1 №8, ссылаясь на то, что на ней установлены новые многозарядные двигатели:

– Мы получим возможность испытать не только первую, но и вторую, и третью ступени. После прекращения американцами работ над РН «Сатурн-5» Н1 будет единственным в мире сверхтяжёлым носителем тяжёлого класса. Такую возможность ни в коем случае нельзя упускать. [...]

– На следующий день, утром, – продолжал свой рассказ Мозжорин, – я ещё не успел погрузиться в текущие дела, как позвонил министр Афанасьев.

– Ты что делаешь?

– Сажу и думаю, когда меня снимут с работы за вчерашнее выступление.

Реакция Афанасьева была неожиданный.

– А ты молодец! Правильно выступил, – похвалил Афанасьев.

Когда-нибудь далёкие потомки, «наших дней разбирая обломки», создадут историко-художественную серию фильмов, рассказывающих о трёх сверхтяжёлых ракетах-носителях «Сатурн-5», Н1 и «Энергия». Показ подобных теневого совещания для понимания нашей непростой истории столь же необходим, как эффектные кадры стартующих ракет...

(Продолжение следует)

рецензировать». Жизненный и профессиональный опыт приобретался при обороне Москвы и в частях ВВС второго Прибалтийского фронта, и в послевоенной Германии при обеспечении работ советских инженеров и учёных, изучавших трофейную ракетную технику, и в казахских степях при выборе места для научно-испытательного полигона (НИП-5 МО, ныне Байконур), и при руководстве созданием комплекса траекторных измерений для обеспечения полётов первого искусственного спутника Земли и первого космонавта Земли Юрия Гагарина. Родина высоко оценила его заслуги: он стал лауреатом Ленинской премии в 37 лет, доктором технических наук – в 38, Героем Социалистического Труда и генерал-майором ИТС – в 40.

[...] Большие проблемы возникали у Мозжорина в его деятельности директора головного института ракетно-космической отрасли во взаимоотношениях с властями предрешающими. Это объяснялось, прежде всего, тем, что позиция института как научного центра далеко не всегда совпадала с желаниями «верхов» и направлением работ, на которые они указывали. Но Юрий Александрович – кадровый военный, генерал-лейтенант (с 1966 года), естественно, был в составе кадров Минобороны. И можно представить положение Мозжорина, когда министр обороны (А.А. Гречко) имеет одну точку зрения в отношении военной доктрины и средств вооружения, в частности, ракет, которые должны были решать стратегические задачи достижения паритета с вероятным противником, а уголовного института Минобщема, который курирует разра-

на месте Юрия Александровича сдались бы, махнули рукой – зачем спорить с двумя министрами, которым я подчиняюсь: одному – как генерал, другому – как работник. Но не тактов Мозжорин! Будучи честным, он нашёл в себе силы, чтобы спорить с обоими и отстаивать свою точку зрения. До того мужественно, что Гречко вообще пообещал его разжаловать и перевести в рядовые (как ни кощунственно, но, к счастью, у маршала не хватило времени, иначе всё бы кончилось для Мозжорина весьма плачевно). Дело дошло до Совета обороны, так что спор должен был решать генсек Л.И. Брежнев. Правда, Юрий Александрович пользовался большой поддержкой секретаря ЦК Д.Ф. Устинова и главного конструктора М.К. Янгеля, что тоже вместе образовывало большой кулак. И Мозжорин выстоял! Целых 30 лет он проработал, вернее «пробалансировал

зался одним из немногих среди высших руководителей, кто нашёл в себе смелость вопреки предложениям министра, ЦК и некоторых главных конструкторов практически в одиночку выступать против прекращения работ за дальнейшую модернизацию этого носителя. Лунной теме Юрий Александрович уделял исключительно большое внимание. Используя Постановление ЦК по Н1, он сумел создать в ЦНИИмаш уникальную экспериментальную базу для наземной отработки ракет и КА, которой до сих пор нет равной не только в отрасли, но и в Европе. [...]

В начале мая 1974 года Устинов собрал у себя близких людей для решения судьбы Н1 – Л3. Предстояло подготовить приговор, который сначала должен быть доложен Политбюро, а затем быть оформлен Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров.